

Цзин Цзи в жизни не доводилось испытывать такой гордости.

После собрания в компании даже толстяк-агент Чэнь Цзэ бросал на него взгляды, в которых смешались зависть, ревность и ненависть.

Цзин Цзи переполняли восторг и ликование, он буквально парил над землей, задрал нос так высоко, что, казалось, готов смотреть на всех исключительно через ноздри.

Впрочем, он действительно смотрел на всех через ноздри.

Череда горячих тем с участием Цзян Цаня привела к тому, что предложения от киностудий и телешоу посыпались на него как из рога изобилия, и ту гору сценариев и уведомлений, что громоздилась на столе, он забрал до последней бумажки.

Стопка листов, от которых еще исходил свежий запах типографской краски, была такой высокой, что наполовину закрывала обзор, и Цзин Цзи приходилось вытягивать шею, чтобы хоть как-то видеть дорогу под ногами.

Но ему было все равно.

Какая разница, что там под ногами, когда впереди сияет такое блестящее будущее!

И тут он споткнулся о сидевшего у порога Цзян Цаня и растянулся на полу.

Следом за этим потерявшие равновесие бумаги с грохотом рассыпались, словно снежный вихрь, накрыв Цзян Цаня с головой.

Но Цзян Цань не издал ни звука.

Даже не пошевелился.

Эта сцена как нельзя лучше соответствовала его нынешнему душевному состоянию.

Шмыгнув носом и бросив взгляд на распластавшегося Цзин Цзи, Цзян Цань на сорок пять градусов задрал голову, исполненную меланхолии и печали.

Неужели сами небеса почувствовали его боль и послали ему этот снег?

Пусть эти кружащиеся искусственные снежинки безмолвно и тихо погребут под собой его...

Раздался рев Цзин Цзи:

— Ох... мой ты золотой!

Голос, прозвучавший в паре сантиметров от уха, был таким оглушительным, что Цзян Цаню показалось, будто он ударился головой о дерево, и в ушах зазвенело.

От гнева до радости — один миг. Цзин Цзи вцепился в Цзян Цаня, готовый хоть сейчас запускать фейерверки:

— Цзян Цань! Ты стал популярным! Ты знаешь? У тебя больше ста тысяч подписчиков! Ста тысяч! Мы можем брать рекламу! И веб-дорамы! Посмотри на эти сценарии, этот, этот и вот этот — раньше мы о таком даже мечтать не могли!

Цзин Цзи обнимал свое сокровище, которое должно было озолотить их обоих, и, сбиваясь с мысли от счастья, болтал без умолку. Лишь закончив свою тираду, он заметил, что Цзян Цань не слышал ни слова.

На нем не было и тени радости от внезапного взлета. Он печально смотрел... а если проследить за его взглядом, то упирался он лишь в кусок водопроводной трубы.

Цзин Цзи спросил:

— Что случилось, малыш? Ударился?

Цзян Цань приоткрыл рот и прошептал:

— Не больно.

Разве это боль? Вот то, что у него на сердце — это настоящая боль!

Цзян Цань только сейчас понял: когда боль достигает предела, кричать становится невозможно.

И все же он не мог по-настоящему отпустить ситуацию — перед глазами все еще стоял холодный, пронзительный взгляд Пэй Юймо.

Русалочка уже не та чистая и прекрасная принцесса, она окончательно стала пленницей тьмы!

Первая костяшка домино упала — почему же обязательно нужно досматривать до самого конца?!

Неужели нужно дожидаться, пока сердце не покроется шрамами, пока оно не онемееет от боли, чтобы наконец отпустить?

Цзян Цань стиснул зубы и принял это тяжелое решение — решение, которое было сложнее, чем выбирать, какую руку отрубить: левую или правую.

Он понизил голос:

— Я... я правда хочу сменить принцессу.

Цзин Цзи опешил:

— Что? Сменить что? Квартиру? Машину? Я вот собираюсь сменить свой электроскутер.

Цзян Цань повторил, уже громче:

— Я хочу сменить принцессу.

Цзин Цзи:

— ???

На этот раз он расслышал. И расслышал не только смысл, но и то, как в этой тихой печали сквозила... обида?

Цзян Цань всегда заставлял других чувствовать себя неловко, но чтобы он сам был обижен — такое Цзин Цзи видел впервые. Он на секунду растерялся, но тут же перевоплотился в наставника по жизни.

Поправив очки, он прижал голову Цзян Цаня к своему плечу:

— Что случилось, детка? Твоя принцесса не носит хрустальные туфельки, и тебе это разонравилось?

Цзян Цань покачал головой:

— Он их и не носил.

Сказав это, он скорбно опустил голову, и его упрямый, печальный взгляд переместился на зеленый мусорный бак неподалеку.

Затем он сбивчиво рассказал, как ждал похвалы от Пэй Юймо, как в ответ получил от него нагоняй, как в порыве гнева хотел припугнуть Пэй Юймо, но в итоге не добился ничего, кроме того, что случайно разорвал любимую игрушку.

Вынужденный искать утешения в объятиях своего менеджера, Цзян Цань сокрушался:

— Я виноват перед Пикачу, я виноват перед Доразмоном. Юймо превратил меня в злодея, у-у-у... Он сказал, что любит меня, но на самом деле он совсем меня не понимает, он только ругал меня...

Хотя, постойте, имя Юймо звучало как-то знакомо.

Цзин Цзи постарался выпрямиться:

— ...Мне кажется, он о тебе заботился? Не сердись на него, я сам, когда увидел это в первый раз, испугался. Ты ведешь себя слишком уж бесшабашно.

Слово забота заставило лицо Цзян Цаня немного проясниться, но совсем чуть-чуть.

Он скорбно включил режим юношеской меланхолии:

— Он не понимает меня, но я его не виню.

Цзин Цзи:

— ...

Цзин Цзи подложил под себя сценарий и серьезно произнес:

— Цань, помнишь старшую школу, когда мы встретились в первый раз?

Цзян Цань не понял, к чему это, но ответил:

— Помню. Ты тогда строил из себя философа, сидел на заборе и говорил, что наблюдаешь за следами птиц в небе.

Цзин Цзи закатил глаза:

— Я тогда перепугался до смерти и наплел первое, что пришло в голову!

В школе Цзинду ученики были либо богаты, либо знатны, девять из десяти были избалованными барчуками, и в таком возрасте, когда кровь кипит, у них постоянно случались стычки, после которых они тащили своих дружков на драки.

Цзин Цзи как раз перелезал через забор, прогуливая уроки, и едва оказался по ту сторону, как наткнулся на массовую драку. Точнее, на избиение.

Один против шестерых.

Тот, кто как раз собирался прыгнуть обратно, чтобы уложить всех шестерых, приподнял бровь и спросил его:

— Ты чего там делаешь?

Справедливости ради, внешне Цзян Цань со времен школы не сильно изменился, но тогда, сразу после драки, от него исходила такая опасная и холодная аура, что люди просто переставали замечать его красивое лицо.

Казалось, даже проходящая мимо собака рисковала получить пинок.

Испугавшись, что прилетит и ему, Цзин Цзи заикаясь ответил:

— Смотрю... смотрю на следы птиц в небе?

...

Печаль печалью, но смешно было до слез.

Цзин Цзи никогда не вспоминал об этом случае, и Цзян Цань не сдержался:

— Ха-ха-ха, и мне стало так любопытно, какие же следы могут оставить птицы, что я проторчал с тобой там целый вечер.

Цзин Цзи промолчал — Цзян Цань тогда не уходил, а он сам боялся сдвинуться с места, и когда они вернулись в школу, уже стемнело.

Тогда они не были знакомы близко, и лишь позже Цзин Цзи узнал, что родителям Цзян Цаня было не до него, и воспитывал его дед.

А дед у него был сторонником жестких методов: если возникли проблемы — бей, а если не можешь победить — значит, ты не мой внук. Поэтому Цзян Цань, не разбираясь, всегда пер

напролом, а благодаря своей силе почти всегда выходил победителем.

Цзин Цзи по-отечески погладил Цзян Цаня по голове:

— Хватит смеяться, малец. Я тогда тебя тоже не понимал и чуть не умер от страха. Я-то знаю, что ты отлично дерешься, но твоя принцесса этого не знает. Конечно, он хочет, чтобы ты не лез в неприятности, а то вдруг поранишься.

Цзян Цань тихо пробормотал:

— Но он первый начал ругаться.

Сказав это, он почувствовал, что его аргументы не так уж сильны — он ведь тоже на него накричал, и не раз, да еще и в ход пошли кулаки, досталось двум игрушкам.

Цзин Цзи с отеческой улыбкой смотрел на Цзян Цаня, рассуждая о любви и мире, и в конце подытожил:

— Так что, когда он придет за тобой, помирись с ним.

Цзян Цань неохотно согласился:

— Ладно. Если он придет за мной, я вернусь.

Хотя...

В первый день жизни у Цзин Цзи Пэй Юймо не пришел.

Дуэт будущих звезд достал планшет с программой Пять лет до суперзвезды, три года до киноимператора.

Цзян Цань, завернувшись в простыню, носился по комнате, как хаски:

— Я стану суперзвездой! И поражу Пэй Юймо!

Цзин Цзи, нацепив на голову подушку, бегал следом:

— А я стану лучшим менеджером в мире! И ослеплю своих родителей!

Они всю ночь прыгали на кровати, мечтая поскорее встретиться с режиссерами и показать им, как сияет запыленный алмаз.

В первый день жизни у Цзин Цзи Пэй Юймо не пришел.

Цзян Цаня заставили просмотреть десятки сценариев, отчего у него пошла кругом голова:

— Я не могу играть это, здесь есть сцена с поцелуем, целоваться можно только с женой.

Цзин Цзи тоже был в замешательстве:

— Тогда, может, роль куртизанки? Нет, лучше генерала, у генерала есть боевые сцены.

Предложения, которые они получали, были в основном от веб-сериалов, где им предлагали роли третьего или четвертого плана, и лишь в одном второсортном проекте Цзян Цаню светила главная роль.

Их путь к вершине шоу-бизнеса превратился из прыжка в три этапа: сначала веб-сериалы, потом теледрамы, затем кино, и вот она — вершина жизни.

На третий день жизни у Цзин Цзи Пэй Юймо все еще не пришел.

Цзян Цань начал изучать актерское мастерство по сериалам. Глядя, как наложница в одном из них плачет градом слез, он сам невольно прослезился.

Вот оно, настоящее мастерство, подумал он, чувствуя, как та же печаль пронзает его сердце.

Сморщившись, Цзян Цань драматично произнес:

— Эти годы любви и времени в итоге были потрачены напрасно!

На четвертый день жизни у Цзин Цзи Пэй Юймо все еще не пришел.

Но та наложница уже была отправлена в монастырь Ганьлу.

На пятый день жизни у Цзин Цзи наложница уже встретила с принцем Го.

Когда Цзян Цань уже решил, что, подобно ей, останется в монастыре надолго, ранним утром ему позвонили.

Это была госпожа Пэй.

Она звучала встревоженно:

— Цаньцань, ты где?

Цзян Цань ответил:

— Я у друга, мам, что случилось?

Госпожа Пэй замялась:

— Твой медоед... у него слишком много энергии.

...Слишком много — это мягко сказано.

Он чуть не разнес санаторий.

Медоеды умеют карабкаться по стенам, рыть норы, грызть деревья и кусаться, но только не сидеть смирно.

За несколько дней все телохранители, присматривавшие за госпожой Пэй, чуть не облысели, а ведь они не могли признаться Пэй Юймо, что не справляются даже с домашним питомцем.

Цзян Цань взял такси и, проделав долгий путь, выудил Сяо Цяна, который как раз пытался подкопать стену, и провел с ним воспитательную беседу.

Обиженный медоед свернулся в клубочек и притих.

Цзян Цань, держа Сяо Цяна в руках и собираясь найти мешок, чтобы унести его, был остановлен госпожой Пэй.

Она по-прежнему была мягкой и нежной, ее щеки слегка порозовели:

— Цаньцань, на самом деле, я позвала тебя еще по одному делу.

Ничего особенного.

Госпожа Пэй хотела сходить с Цзян Цанем по магазинам, купить платье, а завтра вечером

взять его с собой на банкет.

Да, платье нужно было именно для этого банкета.

В торговом центре было немногочленно. Цзян Цань с любопытством разглядывал роскошные наряды за витринами и невзначай спросил:

— Мам, почему ты не попросила Юймо составить тебе компанию?

Госпожа Пэй слегка смутилась:

— Сяо Бай редко соглашается ходить на вечеринки. Но если ты пойдешь к нему вечером, можешь спросить, не хочет ли он присоединиться.

Она не знала, что Цзян Цань сбежал из дома Пэй, просто когда она заходила туда, его не было.

Цзян Цань что-то невнятно пробормотал и замолчал.

Госпожа Пэй, напротив, была необычно разговорчива. Взяв Цзян Цаня под руку, она вошла в магазин, и в ее голосе будто звучал мед:

— Мой муж жалеет, что у меня слабое здоровье, и никогда не хочет обременять меня такими вещами, но в этот раз его друг лично пригласил нас, сказал, что хочет сделать ему сюрприз.

Это был не самый большой прием, просто встреча нескольких близких друзей, но для госпожи Пэй это был первый раз.

Новость о том, что она пойдет на банкет с мужем, делала ее взволнованной.

Не дождавшись, пока модели закончат показ, она указала на одно из платьев:

— Я хочу примерить это.

Цзян Цань отошел в сторону и сел на стул ждать.

Вскоре госпожа Пэй вышла, слегка стесняясь:

— Цаньцань, как думаешь, подойдет?

Она поправила пышный подол, выглядя такой же робкой, как юная девушка на первом свидании.

Цзян Цань поднял большой палец:

— Красиво!

И правда красиво.

Госпоже Пэй явно повезло: годы не тронули ее лица и не изменили ее чистой натуры.

Розовый подол, словно лепестки орхидеи, мягко ниспадал, подчеркивая ее белую кожу. Она была похожа на девушку из далекого края, собирающую жасмин, созданную самой природой.

Продавцы тоже начали осыпать ее комплиментами и принесли еще несколько моделей.

Госпожа Пэй ушла в примерочную, а Цзян Цань встал и потянулся.

Вдруг его внимание привлекло нечто синее, переливающееся, словно морская гладь.

Стоявшая рядом продавец заметила это и подошла:

— У вас отличный вкус. Это новинка от нашего дизайнера, во всем Цзинду есть только одно такое платье, оно называется Поцелуй океана.

Она улыбнулась:

— Надеть его — все равно что облачиться в само море, оно отлично подойдет в подарок любимому человеку.

Услышав слова любимому человеку, Цзян Цань тут же отвел взгляд.

Он покачал головой:

— Нет, спасибо.

Именно глядя на это платье, он вспомнил, что в день первой встречи с Пэй Юймо купил синее платье.

Потому что один из сотрудников сказал, что Пэй Юймо собирается признаться ему в любви, и он приготовил подарок, чтобы отказать помягче.

Но Пэй Юймо не признался, и подарок так и остался лежать в шкафу в нераспечатанной упаковке.

А сейчас они в ссоре.

Пэй Юймо не пришел его искать, а он купит ему платье? Слишком навязчиво, совсем не по-мужски.

Подумав так, Цзян Цань еще раз взглянул на платье.

Простой и элегантный крой, цвет морской волны, а сверху — слой тончайшего тюля.

У Пэй Юймо белая кожа, узкая талия и хорошо очерченные ключицы...

Если бы он надел его...

Когда госпожа Пэй вышла, она увидела, что Цзян Цань закрыл лицо руками, а его уши покраснели — интересно, о чем он думал?

Она переоделась в свое белое платье, а купленный наряд пообещали доставить по адресу вечером.

Госпожа Пэй, вежливо отказавшись от оформления клубной карты, подошла к нему:

— Цаньцань, я готова, пойдём.

Самое важное было сделано, оставалось перекусить и сходить в кино.

Но сделав несколько шагов, Цзян Цань внезапно остановился, его ресницы дрогнули:

— Мам, подожди меня здесь.

Госпожа Пэй спросила:

— Что случилось?

Цзян Цань развернулся, подошел к витрине, где висело то самое платье, и смущенно произнес:

— Здравствуйте, упакуйте, пожалуйста, это платье... Нет, не нужно доставлять, я заберу его сам.

Поздняя ночь.

Мигают неоновые огни, машин почти нет.

Автомобиль плавно затормозил у ворот Эдема.

Пэй Юймо вышел из машины, опираясь на трость. Из-под слегка приподнятых брюк виднелась бледная, тонкая лодыжка.

Секретарь Шэнь закрыл окно и смотрел, как Пэй Юймо удаляется. Ему показалось, что этот человек теряет жизненные силы, сливаясь с темнотой.

Луна становилась ярче, освещая облака и зелень травы.

А прямо посреди газона виднелось темное пятно перекопанной земли — словно нелепая заплатка, на которой не к месту торчали листья капусты.

В доме было темно.

Пэй Юймо знал, что Цзян Цань не вернулся.

Или, вернее сказать, он не должен был возвращаться, не должен был здесь жить.

Все должно было вернуться на круги своя. Он будет защищать его, как и обещал, но только защищать — не более.

Тапочки в виде кроличьих голов тихо стояли на полке, поблескивая в полумраке.

Пэй Юймо, погруженный в свои мысли, долго стоял в прихожей, плотно сжав губы.

Это, как и все остальные предметы в доме, не принадлежащие ему, через пару дней нужно будет убрать.

Пэй Юймо не стал включать свет, а прошел сквозь темноту в свою комнату.

Как обычно: умылся, принял душ, надел пижаму. Он лег в постель, чувствуя в сердце пустоту и покой.

Он закрыл глаза, но телефон на прикроватной тумбочке завибрировал.

Это было сообщение от секретаря Шэня.

Несколько коротких строк: что делал сегодня Цзян Цань, с кем встречался, не было ли опасностей, а также новости о доме Цзян.

Палец, скользивший по экрану, внезапно замер. Пэй Юймо откинул одеяло, подошел к окну и постучал по стеклу:

— Пэй Сань.

Пэй Сань появился мгновенно.

Пэй Юймо спросил:

— Цзян Цань приходил?

Голос был равнодушным, но сердце отозвалось тупой болью.

Пэй Сань ответил:

— Да, господин Цзян приходил в пять часов десять минут вечера. Оставил вещи в гостиной и ушел.

Пэй Сань и Пэй Сы за последние дни из-за Цзян Цаня прошли через ад, на их лицах до сих пор виднелись следы тренировок.

Пэй Юймо прошел в гостиную. Яркий свет резанул по глазам.

На журнальном столике у дивана лежали две новые игрушки — желтая и синяя, а рядом — красиво упакованная подарочная коробка.

Внутри аккуратно лежало платье. Даже через чехол была видна переливающаяся ткань, сверкающая кристальными искрами.

К подарку прилагалось приглашение с золотым тиснением и записка.

Пэй Юймо опустил ресницы, и его спокойное лицо наконец дрогнуло.

На развернутом листке бумаги аккуратным почерком было написано: Если хочешь помириться, приходи завтра в этом платье на банкет к нам.

Пэй Юймо: ? : , , .

<http://bllate.org/book/21476/2197577>